

ON THE WAY TO THE GREAT EASTERN UNION: PERSIAN MOTIFS IN THE WORKS OF K.N. LEONTIEV

Fetisenko Olga Leonidovna^{1*}

Leading scientific worker, Institute of the Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of
The Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: September, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

Outstanding Russian writer, philosopher and diplomat K.N. Leontiev (1831–1891) is now one of the most quoted conservative publicists. However, there are still many unexplored aspects of his legacy. Thus, the topics “Leontiev and Turkey”, “Leontiev about the Greeks and South Slavs” overshadowed the topic indicated in the title of this report. Like N.Ya. Danilevsky and at the same time Leontiev spoke about the historical need for the formation of a union of states that could resist the destructive tendencies of Western civilization. But unlike Danilevsky, Leontiev included in his Great Eastern Union not only countries professing Orthodox Christianity, but also Turkey, Persia, India and China. He looked at ancient history not from a European point of view. For example, in the history of the Greco-Persian wars, he was rather on the side of Persia, noting the discipline and sacrifice of the Persians. Already in the first years of diplomatic service in the Turkish Empire, through educated Turks, he became acquainted with examples of Persian poetry and even intended to study Farsi. This interest was reflected in his artistic work: in the cycle of “oriental stories” and especially in the novel “Odysseus Polychroniades”. In his historiosophical work “Byzantism and Slavism”, when considering the “historical age” of cultures and civilizations, Leontiev pays great attention to Persia. A deeper understanding of the Eastern Union project dates back to the 1880s, so we can say that the Persian theme occupied the philosopher throughout his life. The report is intended for the first time to summarize all cases of Leontiev’s contact with Iranian studies.

Keywords: Russian Literature, Conservatism, K.N. Leontiev, Eastern Question, Persia

1. E-mail: betsy98@mail.ru; <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

* Corresponding author

НА ПУТИ К ВЕЛИКОМУ ВОСТОЧНОМУ СОЮЗУ: ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Фетисенко Ольга Леонидовна^{1*}

Ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: сентябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Выдающийся русский писатель, мыслитель и дипломат Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) является одним из наиболее цитируемых авторов, принадлежащих к консервативному направлению. Однако в его наследии имеется много неизученных тем, сюжетов, эпизодов. Так, темы «Леонтьев и Турция», «Леонтьев о греках и южных славянах» заслонили собой тему, обозначенную в названии этой статьи. Подобно Н.Я. Данилевскому и одновременно с ним Леонтьев говорил об исторической необходимости образования союза государств, который сможет противостоять разрушительным тенденциям западной цивилизации. Но в отличие от Данилевского в свой Великий Восточный союз он включал не только страны, исповедующие Православие, но также Турцию и Персию; пророчески говорил об Индии и Китае. Он был одним из первых, кто взглянул на древнюю историю не с точки зрения европейца (вспоминая греко-персидские войны, любовался отнюдь не греками, учась у восточных воинов дисциплине и жертвенности). В годы службы в Турецкой империи Леонтьев от образованных турок узнавал в подлиннике (оценивая звучание) и в переводе образцы персидской поэзии, собирался учиться персидскому языку. Это нашло отражение в его художественном творчестве – в цикле «восточных повестей» и романе «Одиссей Полихрониадес» (1872–1878). В повести «Пембе» (1869) персидским языком владеет молодой албанский бей, которому автор придал собственные черты. В своем историософском сочинении «Византизм и Славянство» (1872–1874), анализируя «исторический возраст» культур и цивилизаций, Леонтьев уделяет большое внимание Персии. Разработка проекта Восточного союза относится к 1880-м гг., поэтому можно сказать, что персидская тема занимала философа на протяжении всей жизни. Статья призвана впервые выделить все случаи соприкосновения Леонтьева с иранистикой.

Ключевые слова: русская литература, консерватизм, Творчество К.Н. леонтьева, восточный вопрос, персия.

1. E-mail: betsy98@mail.ru; <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

* Ответственный автор

Введение

Выдающийся русский писатель, мыслитель и дипломат Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), в монашестве Климент, при жизни мало читаемый «одиноким мыслителем», который удивлял своими «парадоксами» и шел всегда «против течения», в настоящее время является одним из наиболее цитируемых авторов, принадлежащих к консервативному направлению, и «самым популярным сегодня представителем русской общественно-политической мысли XIX в.» (Котов 2010, 104). Количество посвященных Леонтьеву работ постоянно растет (возможно, стимулом для этого послужил выход академического собрания сочинений; Леонтьев 2000–2021), к его творчеству обращаются специалисты всех гуманитарных специальностей, однако – при множестве разнообразных подступов – до сих пор не создано ни его научной биографии, ни образцовой обобщающей работы о нем, и вообще в его наследии имеется много неизученных тем, сюжетов, эпизодов. Так, обращаясь к обширной проблеме «Леонтьев и Восток»¹, можно заметить, что темы «Леонтьев и Турция», «Леонтьев о греках и южных славянах» заслонили собой тему, обозначенную в названии этой статьи. Ее рассмотрение позволяет в очередной раз поразиться дару политического и культурного предвидения, которым обладал философ, ведь его проект Великого Восточного союза, пусть и не в полной форме, находит неожиданное воплощение в наши дни.

Творческое наследие Леонтьева позволяет говорить о нем как о мыслителе, внесшем вклад в постижение Восточного вопроса (см.: Котельников 2004, Жуков 2006), о практическом деятеле на этой почве (см.: Косик 1997, Жуков 2006, Фетисенко 2017, Kosik 2022), а также о художнике-«ориенталисте». Его

1. Леонтьев провел 10 лет в Турецкой империи, приобщился там, особенно во время своих пребываний в Константинополе, к турецкой и персидской культуре. Жизнь на Востоке «дала огромные импульсы для его творчества», сформировала «его духовную личность» (Бердяев 1995. 58).

ориентализм – это не просто любовование чем-то необычным, но плод углубленного интереса и выразившаяся в художественных образах мечта о своеобразной культуре, которую он в 1880-е годы определял как «новую восточную». Русская культура стоит на византийском основании, но желательно к этому древу сделать и другие прививки, познакомиться не только с «братьями по истории» (греками; Леонтьев 2000–2021, т. 3. 10), но и с соседями или соперниками.

Как ни странно, на периферии исследовательского внимания находятся и сама «восточная тема» у Леонтьева, и вопрос о формировании и содержании его концепции Великого Восточного союза. Тема затрагивалась в моих комментариях к письмам Леонтьева и в монографии Юлии Златковой (Златкова 2020. 244–261). В. И. Косик сосредоточен на славянских сюжетах, К. А. Жуков и В. А. Котельников – на истории Восточного вопроса в целом. У самого Леонтьева нет статей, специально посвященных Восточному союзу, его мысли на эту тему нуждаются в систематизации.

Основная часть

В 1869 г. журнал «Заря», участвовать в котором был приглашен и Леонтьев, напечатал книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Ее появление Леонтьев приветствовал как выражение мыслей, к которым сам пришел к этому времени, но еще не успел обнародовать. Пятнадцатая глава этой книги называлась «Всеславянский союз», далее этого панславист не шел. Подобно Данилевскому Леонтьев заговорил об исторической необходимости образования союза государств, который сможет противостоять разрушительным тенденциям западной цивилизации. Оба мыслителя столицей союза избирали Константинополь, следуя в этом за Ш. Фурье, у которого именно там проектировалось местопребывание «вселенского омниарха». Но в отличие от Данилевского в свой союз Леонтьев включал не только страны,

исповедующие Православие, но также Турцию (границы которой «сдвигал» на азиатский берег Босфора¹) и Персию; пророчески говорил об Индии² и Китае, не видел в этом союзе Японию, поскольку там развернулись европеизирующие реформы.

Начал Леонтьев с осторожного упоминания, вполне в духе Данилевского, о союзе всеславянском с участием греков, венгров и молдо-валахов (молдаван и румын), с трудно определимой политической связью с Россией: «Смысл этого союза был бы, конечно, оборонительный против Западной Европы, коммерческий вместе с тем, таможенный и т. п.» (Леонтьев 2000–2021, т. 7, кн. 1. 181). В этой же статье («Панславизм и греки», 1872) он предостерегал от опасности «слияния славян в одно государство», подчеркивая, что «Россия чисто славянскою Державой никогда не была...» (там же. 184). Здесь впервые появляется формула: «восточная федерация независимых государств» (там же. 185). Мусульманские страны в этой федерации не представлены.

Идея могущественного таможенного союза обнаруживается в художественной прозе Леонтьева. Беседуя с турецким беєм, юный рассудительный грек, герой одного из романов, заявляет: «...чтобы Восток мог противостать коммерческому влиянию Европы – необходим союз Турецкой Империи, Персии, Румынии, Сербии, Греции и Египта с Россией против Запада; тогда можно было бы изменить тариф и уничтожить весь этот ввоз» (Леонтьев 2000–2021, т. 4. 512–513). Собеседник опасается такого союза и вспоминает басню о льве и трех быках, которых тот, разобщив, съел. Последним был желтый бык (Сары-Окюс). «Кто там ни остался бы последний из этих: Турция или Персия, или кто другой, а все будет Сары-Окюс...» (там же. 514). Написано это во время русско-турецкой войны.

1. Сравните: Леонтьев 2000–2021, т. 7, кн. 1. 181.

2. См., например: Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 3. 299.

В цикле «Письма о Восточных делах» (1882–1883) Леонтьев приходит к идее союза разноплеменных и разноверных государств, об «оригинальной Славяно-Азиатской цивилизации»: «...не изгнание *только* турок из Европы и не эмансипацию *только* славян, и даже не образование во что бы то ни стало из всех славян, и только из славян, племенной конфедерации должны мы иметь в виду, а нечто более широкое и по мысли более независимое»; «...нам, русским, надо *совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, – стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества*» (Леонтьев 2000–2021, т. 8, кн. 1. 83, 104)¹. Мыслитель предлагает «конфедерацию» «Христианских Царств и Княжеств Востока (с Россией во главе), в которую может войти и «особая Царьградская республика, не принадлежащая непосредственно ни России, ни Греции, ни Болгарии, ни Сербии, но равно нужная всем им, как культурно-исторический центр, как центр религиозный, торговый, национальный и военный» (там же. 113). Когда позднее Леонтьев упоминал о «восточно-славянской конфедерации на развалинах Турции и Австрии» (Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 2. 312), он подразумевал не конфедерацию восточных славян, а объединение славянских и восточных государств.

Но не все мысли (особенно такие, опережающие свое время) Леонтьев считал возможным предавать печати. Более открыто о Великом Восточном союзе он говорит в частных письмах. Само название впервые встречается в письме к К.А. Губастову от 2 августа 1877 года, в разгар русско-турецкой войны (Леонтьев 2000–2021, т. 11, кн. 2. 84). Своему бывшему начальнику графу Н. П. Игнатьеву 29 октября 1878 года Леонтьев пишет: «Славянский или, лучше сказать, Восточный великий союз Государств с Царьградом во главе, сложился сам собою, и никакие Плевны или Берлинские Трактаты

1. Здесь и далее курсив в цитатах передает авторские подчеркивания.

потока не задержат надолго» (там же. 248). Как о чем-то давно обсуждавшемся он упоминает о Великом восточном союзе и церковных аспектах его устройства в письме к Т. И. Филиппову от 10–14 февраля 1883 года (Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 1. 25–26). И только в письме от 29 марта 1891 года к тому же адресату Леонтьев дает подробное объяснение своего «геополитического» плана. Перед нами фактически программа несозданной итоговой статьи Леонтьева о Восточном вопросе:

«Мечтаю еще написать и другое: “*Союз Восточный и Союз Славянский*” (*Антитеза*: первый – величие и крепость, второй – гибель; первый – *естественное* своеобразие, второй – подражание Италии и Германии; первый – новый период созидания, 2-й – обыкновенная либеральная революция). Членами Союза *Восточного под рукой* России должны состоять: 4 православные королевства: Греция, Румыния, Пансербия¹, Болгария; 2 мусульманских: Персия и Турция (состоящая из *остатков* Азиатской Турции, Сирии, Палестины, Аравии и *Египта* с изгнанием англичан и международной нейтрализацией Суэзского канала). Царьград с надлежащим округом – Русское наместничество (*Византийское*); *Соборная* централизация Восточных Церквей; в этом союзе – единоверные (все 4) государства конституционные и эгалитарные <...>, а 2 *иноверных* – *самодержавные* и по-своему, так сказать – *церковные*. <...> из этого грубого абриса видно – то *равновесие* влияний взаимных (и враждебных, и дружественных – *все равно!*), которое я имею в виду. *Разумеется, что это возможно только после счастливой и кровопролитной войны*, которой, конечно, не миновать – рано или поздно.

1. Пророческое предвидение Югославии. Ниже автор почти безошибочно угадывает расстановку сил во время Первой и Второй мировых войн.

Предполагаю, что противниками нашими будут: Австрия, Германия, Италия, Турция и Англия, союзниками: Франция, Сербия, Черногория и, может быть, Греция <...>.

При таком сочетании сил – я в победе нашей уверен <...> а чехи, хорваты и даже несносные *либеральные* хамы галицийские хохлы – как знают... <...>

Вот что нужно! <...> А такая конфедерация, в которую войдут *милльонами* либеральные, конституционные и католические – мадьяры, хорваты, чехи, поляки и т. д. ... – это *революция*. Это гибель России! <...> Не в *однородности* же славянских языков искать *истинного* единства? Не в *численном* же перевесе славянского *племени* видеть силу и спасение? <...> В союзе же Восточном – с одной стороны (с *европейской*) будет *единство Веры с различием* в политическом строе (4 конституции), с другой – *Единство монархических принципов* при различии Веры. <...> *Печатать* – этого не следует. Но можно подать через Вас секретную записку Государю» (Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 3. 85–87).

Путь мыслителя к его проекту хорошо виден на примере персидской темы. Леонтьев был одним из первых, кто взглянул на древнюю историю не с точки зрения европейца. Вспоминая греко-персидские войны, – а думал он о них не раз: «...сколько раз приходилось с детства и до зрелого возраста вспоминать о классической греко-персидской борьбе!» (Леонтьев 2000–2021, т. 7, кн. 1, 309), – он любовался персами, учась у них дисциплине и жертвенности. Этому посвящен фрагмент из книги «Византизм и Славянство» (1872–1874) с отсылкой к статье А. И. Герцена «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (1848), вошедшей в третий том книги «Былое и думы» (1862):

«Я помню, как я сам, прочтя случайно (и у кого же? – у Герцена!) о

том, как во время бури персидские вельможи бросались сами в море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, как они поочередно подходили к Царю и склонялись перед ним, прежде чем кинуться за борг... <...> прочтя это, я задумался и сказал себе в первый раз <...>: “Терцен справедливо зовет это персидскими Фермопилами. Это страшнее и гораздо величественнее Фермопил! Это доказывает силу идеи, силу убеждения, большую, чем у самих сподвижников Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову в пылу битвы, чем обдуманно и холодно, без всякого принуждения, решаться на самоубийство из-за религиозно-государственной идеи!”

С этой минуты я, сознаюсь, стал на древнюю Персию смотреть уже не так, как приучили меня школа 40 и 50 годов, поэзия и большинство исторических попадавшихся мне сочинений» (там же).

В годы службы в Турецкой империи Леонтьев от образованных турок узнавал в подлиннике (оценивая звучание) и в переводе на французский язык образцы персидской поэзии¹, собирался учиться фарси. Этот мотив отражен в цикле «восточных повестей» (1867–1877) и романе «Одиссей Полихрониадес» (1872–1878). Леонтьевская проза автобиографична, в ней нет случайных деталей.

В повести «Хризо» (1867) упомянут «Фазиль-бей, поэт из Дамаска» (не ясно, турок он, сириец или перс; окружают его сирийские дервиши). Повествователь, молодой грек, получивший образование в России, рассказывает о нем:

«Я любил его за его вежливость, за величавые приемы и за

1. С русскими переводами из Саади он мог познакомиться и в России. Кроме того, Леонтьев любил поэзию Гёте. Излишне говорить о влиянии на нее персов.

благородство, которым дышала вся его особа. Он часто беседовал со мной и хотел учить меня по-персидски.

– Если вы хотите узнать великую сладость, то изучите язык персидский; это язык истинных поэтов; а турецкий язык – язык военный...» (Леонтьев 2000–2021, т. 3. 71).

Почти то же самое слышит от старого турка герой-рассказчик «Одиссея Полихрониадеса». «Арабский язык – древность, персидский – сахар, а турецкий – великий труд!» (Леонтьев 2000–2001, т. 4. 114).

В повести «Пембе» (1869) персидским языком владеет албанский бей Гайредин, которому автор придал собственные черты. «Еще в Константинополе учил его персидской поэзии один старый турок <...> старик говорил ему: “читай, читай, мой сын, персидские стихи. <...> Стихи для души человеческой то же, что пение птицы в саду. Человек-стихотворец, мой сын, сам уподобляется саду, наполненному душистыми цветами”» (Леонтьев 2000–2001, т. 3. 93, 112). Начинается повесть с изящного стихотворения в прозе, в духе персидской поэзии, которое пишет Гайредин; там упоминаются и «сады персидские» (там же. 88–89)¹.

У всех трех эпизодов разговоров о персидском языке и поэзии мог быть один источник, или, возможно, Леонтьев не единожды беседовал на эти темы в разных местах своей службы. Консул Благов, герой «Одиссея Полихрониадеса», одним из прототипов которого был сам автор, признается: «Говорить я люблю со всякими людьми» (Леонтьев 2000–2021, т. 4. 77)². Именно так и Леонтьев узнавал Восток. Его «информантами» могли быть не только турки, но и драгоманы и секретари русского посольства в

1. Высоко оценил это подражание персидской поэзии биограф Леонтьева (Иваск 1995. 371).

2. О Благове сообщается, что он говорил «литературным турецким языком, смешанным с персидским и арабским» (там же. 319).

Константинополе. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в декабре 1865 года окончил Константин Губастов, в следующем году ставший в Константинополе другом Леонтьева. В неизданных мемуарах Губастов вспоминал об уроках у азербайджанца, уроженца Персии, Мирзы Джафара Топчибашева (1790–1869), состоявших наполовину «в певучем чтении произведений известного персидского поэта Саади»¹.

Заметный интерес Леонтьев проявлял к тонкостям Ислама, причем именно к бытующему в Персии шиизму и его ответвлениям. В повести «Аспазия Ламприди» (1870) главный герой (Алкивиад Аспреас) оказывается в гостях у пожилого албанца, слышит похвалы христианской вере и обращает внимание на необычную деталь обстановки:

«...на стене <...> висят два изображения: *араба и верблюда, навьюченного гробом Али, Магометова зятя.*

Алкивиад рассказывали о тайной вере арнаутов, о их уклонениях от православного мусульманства. Они знали предания об Али, Магометовом зяте. Когда Али скончался, дети его хотели похоронить его и положили гроб его, по степному обычаю на верблюда и вывезли за город. На пути им встретился черный араб; он вызывался вести верблюда. Дети Али отдали ему повод, но он вел верблюда недолго. Скоро и араб, и верблюд, и гроб пророка исчезли от взоров людских... Али вознесся на небо...

<...> арнауы-бекташи верят, что <...> Али святыня великая, что Али – *все*... И Моисей был Али, и Христос был Али, и сам Магомет был не кто иной, как тот же Али!..» (Леонтьев 2000–2021, т. 3. 342).

1. Рукописный отдел Института русской литературы. Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 8.

Упоминание о бекташи есть и в повести «Пембе», причем Леонтьев сделал примечание: «...так иногда зовут истые турки ту ересь, к которой привержены многие албанцы и которая сходна с ересью персидских *шиитов*» (там же. 105).

Пышно расцветает персидская тема в «Одиссее Полихрониадесе». Леонтьев, показывая, как турки ценят древнюю персидскую поэзию, обнаруживает знание и Саади¹, и Фирдоуси (в его транслитерации Фирдузи), и Хамам-Ад-дина Тебреси (у Леонтьева – Гоммам-Эддин)². Среди цитат из Саади имеется скрытая отсылка к «Гулистану» (там же. 468). Название *Гюлистан* вошло в житейский обиход Леонтьева. Так он и Губастов в 1878 году называли петербургский салон Е.С. Карцовой, дочерью которой, Ольгой, оба были платонически увлечены³.

Леонтьев подчеркивает, что наследие персидских поэтов стало неотъемлемой частью мировой культуры. Характеризуя жену британского консула (по матери – сирийскую гречанку), прототипом которой было реальное лицо – Фанни-Дженет Блант, один из героев «Одиссея...» замечает: «И надо слышать еще, когда она начинает говорить по-турецки, самым изящным, литературным турецким языком... <Напомню: Леонтьев упоминал о персидских заимствованиях в этом языке. – О.Ф.> Все эти Гафизы, Саади, все это ей известно...» (там же. 745).

Любопытна сценка, за которой явно стоит реальный случай: янинский паша выигрывает у русского консула пари, касающееся знания сюжета «Шахнаме», и просит юного Полихрониадеса сообщить проигравшему об

1. В посвященной русской рецепции творчества Саади диссертации (Рахромова 2021) Леонтьев не упомянут.

2. Примеры см.: Леонтьев 2000–2021, т. 4. 114–115, 240, 468.

3. См. об этом: Леонтьев 2000–2021, т. 11, кн. 2. 677. Леонтьев писал Е.С. Карцовой: «Ольга Сергеевна – это восхитительная скала из яшмы дикой с белыми и розовыми жилками, поросшая жасмином и розами, на которых петь только персидским соловьям» (там же. 218).

этом: «...напиши г. Благову, что он проиграл <...> я <...> нашел то, о чем мы говорили: “Не Сиамэк убил Дива, а сын его Хушенг”. Так у Фирдузи...» (подразумеваются подробности сказания о Каюмарсе). А далее паша проверяет знания самого Одиссея:

«А кто такой Фирдузи?»

«– Оттоманский стихотворец, паша-эффендим.

– Аджемский, фарсийский, – сказал паша...» (там же. 807).

Тема поэзии является одной из важнейших в романе. Фон повествования составляют, кроме особо маркированной персидской, греческая поэзия, а также «Чайльд-Гарольд» Байрона. В другом романе («Египетский голубь», 1881–1882), несмотря на важный и для него восточный колорит, на первый план выходит русская лирика. Что касается персидских стихов, в них было лекарство от наблюдаемого на современном Востоке, где в «сердечной жизни» «образованного класса» Леонтьев не видел «ни пафоса, ни музыки, ни грации, ни ума» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 231). У древних поэтов он в изобилии обретал все это.

В «Одиссее Полихрониадесе» встречаются не только цитаты из персидских поэтов, но и ряд упоминаний о предметах персидского прикладного искусства. То в общем перечислении (у английского консула дом «полон китайскими, сирийскими, персидскими пестрыми вещами»; Леонтьев 2000–2021, т. 4. 146), то в подробно раскрытом сопоставлении: сравниваются ковры разных народов – персидские, греческие эфирские, курдские, турецкие малоазиатские (см.: там же. 312–315); описание сделано с тончайшей проработкой, и явное предпочтение отдается персидским изделиям: «...краски персидских ковров вовсе не ярки и несколько суровы... Но узоры их божественны, и прав был тот англичанин, который еще недавно находил восточные ковры несравненно лучшими европейских...» (там же. 313).

Это был не англичанин, а француз. В незавершенной части «Египетского голубя» рассказчик читает «в “Revue des deux Mondes” статью одного умного человека, который <...> доказывал, что машины и все усовершенствования Западной промышленности привели не к улучшению, а к ухудшению предметов роскоши и декоративного искусства и что на Парижской выставке 67 года ручные произведения отсталого Востока оказались гораздо изящнее, прочнее и благороднее по стилю своему, чем европейские» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 450). Речь идет о статье Адальберта де Бомона «Декоративные искусства на Востоке и во Франции» (de Beaumont 1867). На листке с ее названием Леонтьев записал: «...автор говорит в пользу *Восточных произведений* <...> и спрашивает: – “на что же все наши изобретения?”» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 879).

Отступление о коврах, использованное в описании приемной Благова, которую изучает Одиссей, словно Татьяна Ларина в кабинете Онегина, необходимо для характеристики вкуса героев¹ и для того, чтобы перейти к теме «культурного своеобразия», вводимой с открытой публицистичностью. В примечании Леонтьев говорит о вреде свободной торговли, наводнившей Турцию дешевыми «дурными и фальшивыми» произведениями Запада и вытеснившей из употребления «прекрасные произведения декоративного азиатского искусства» (там же. 313). «Аджемские келимы» (персидские ковры) как главная примета жилища русского консульства еще раз упомянуты в конце романа (там же. 800).

В своем историософском сочинении «Византизм и Славянство», анализируя «исторический возраст» цивилизаций, Леонтьев – в отличие от Данилевского, лишь вскользь упоминающего Иран – уделяет большое

1. Формулу «культурного идеала» находим в «Египетском голубе»: «...то, о чем я так напрасно мечтаю для нас, русских – смелое соединение восточных вкусов с европейской тонкостью понимания!» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 334).

внимание Персии: цивилизации «персо-мидян», 12 векам государственности «мидо-персидской и парфянской» (Леонтьев 2000–2021, т. 7, к. 1. 398–399, 430–432), ссылается на «Историю персов» (1869) графа Ж.-А. Гобино (там же. 432). На примере «великой Персии Кира» и «возрожденной Державы Сассанидов» мыслитель иллюстрирует свой закон триединого процесса развития (первичная простота – цветущая сложность – вторичное упрости́тельное смещение), подробнее всего характеризуя стадии «сложного цветения» (там же. 431) и упадка монархии. Для концепции византизма важно замечание о столкновениях и взаимовлияниях культур (Леонтьев снова возвращается к греко-персидским войнам): «...греки повлияли гораздо меньше на персов, чем персы на них и на учеников их – римлян¹. До столкновения с персами греки были своеобразнее, чем стали после этого соприкосновения, и государственный дух персидского Царизма повлиял не только на них, но гораздо позднее и на римлян и еще более на переработанных Востоком византийцев» (там же). Значит, этот ряд можно продлить и русской цивилизацией.

Первые размышления Леонтьева о духе персидской истории, навеянные чтением статьи Герцена, относятся, возможно, уже к 1848 г., когда ему было всего 17 лет. «Личное знакомство» с древней культурой, через турецкое посредничество, состоялось в 1860-е гг., во время недолгой, но весьма успешной дипломатической службы. Тогда же был начат цикл «восточных повестей», составивших славу Леонтьева-художника. Первые мысли о восточной конфедерации или союзе относятся к началу 1870-х гг., а подробная

1. К этой мысли он возвращается в статье «Владимир Соловьев против Данилевского» (1888), утверждая, что задача эпохи Александра Македонского «была <...> в том, чтобы смешать воедино посредством внешней государственной власти Эллинизм с бытом восточных Царств. Отчасти и в том, чтобы посредством взаимного проникновения эллинской республиканской муниципальности с азиатским мистическим Царизмом приготовить почву римскому освященному религией Кесаризму» (Леонтьев 2000–2021, т. 8, кн. 1. 347).

разработка проекта – к 1880-м годам, когда в грезящийся мыслителю Великий Восточный союз включается и Персия. Все это позволяет сказать, что персидская тема занимала писателя и философа на протяжении всей жизни. В данной статье впервые намечены основные узлы «разнопородной», как всё у Леонтьева, темы «Леонтьев и Персия». Осмыслить ее более глубоко – дело специалистов-востоковедов.

Литература

- 1- Бердяев Н.А. (1995). *Константин Леонтьев (Очерк из истории русской мысли). К.Н. Леонтьев: pro et contra*. Антология: В 2 кн. Кн. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Российского христианского гуманитарного института. С. 29–179.
- 2- Жуков К.А. (2006). *Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева*. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя».
- 3- Златкова Ю. (2020). *Константин Леонтьев и Балканите*. София: Авангард Прима.
- 4- Иваск Ю.П. (1995). *Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество. К.Н. Леонтьев: pro et contra*. Антология: В 2 кн. Кн. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Российского христианского гуманитарного института. С. 229–675.
- 5- Косик В.И. (1997). *Константин Леонтьев: Размышления на славянскую тему*. Москва: Изд-во «Зерцало».
- 6- Котельников В.А. (2004). *Восточный вопрос в русской политике и литературе*. Русская литература. № 2. С. 3–29.
- 7- Котов А.Э. (2010). *Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: Опыт ведения общественной дискуссии*. Санкт-Петербург: Изд-во «Книжный Дом».
- 8- Леонтьев К.Н. (2000–2021). *Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко*. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль».
- 9- Рахмонова Н. (2021). *Вхождение Саади в русскую литературу: литературные связи и проблема перевода*. Душанбе: Таджикский национальный университет.
- 10- Фетисенко О.Л. (2017). *К.Н. Леонтьев на коронной и частной службе. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем*. Т. 10. Кн. 2. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль». С. 319–383.
- 11- de Beaumont A. (1867). *Les arts décoratifs en Orient et en France (Un voyage en Orient de l'Exposition universelle)*. Revue des deux Mondes. Vol. 62. P. 138–160.

- 12- Kosik V.I. (2022). *Konstantin N. Leontjew. Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident*. Weimar: Lahn.

Bibliography

- 1- Berdiaev N.A. (1995). *Konstantin Leont'ev (Ocherk iz istorii russkoi mysli)*. K.N. Leont'ev: *pro et contra*. Antologiya: V 2 kn. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo Rossiiskogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. S. 29–179.
- 2- Zhukov K.A. (2006). *Vostochnyi vopros v istoriosofskoi kontseptsii K.N. Leont'eva*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Aleteia».
- 3- Zlatkova Iu. (2020). *Konstantin Leontiev i Balkanite*. Sofiya: Avangard Prima.
- 4- Ivask Iu.P. (1995). *Konstantin Leont'ev (1831–1891). Zhizn' i tvorchestvo*. K.N. Leont'ev: *pro et contra*. Antologiya: V 2 kn. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo Rossiiskogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. S. 229–675.
- 5- Kosik V.I. (1997). *Konstantin Leont'ev: Razmyshleniia na slavianskuiu temu*. Moskva: Izd-vo «Zertsalo».
- 6- Kotel'nikov V.A. (2004). *Vostochnyi vopros v russkoi politike i literature*. Russkaia literatura. № 2. S. 3–29.
- 7- Kotov A.E. (2010). *Russkaia konservativnaia zhurnalistika 1870–1890-kh godov: Opyt vedeniia obshchestvennoi diskussii*. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Knizhnyi Dom».
- 8- Leont'ev K.N. (2000–2021). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t. / podgot. teksta i komment. V.A. Kotel'nikova i O.L. Fetisenko*. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Vladimir Dal'».
- 9- Rakhmonova N. (2021). *Vkhozhdenie Saadi v russkuiu literaturu: literaturnye sviazi i problema perevoda*. Dushanbe: Tadjhiskii natsional'nyi universitet.
- 10- Fetisenko O.L. (2017). *K.N. Leont'ev na koronnoi i chastnoi sluzhbe. Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. T. 10. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Vladimir Dal'». S. 319–383.
- 11- de Beaumont A. (1867). *Les arts décoratifs en Orient et en France (Un voyage en Orient de l'Exposition universelle)*. Revue des deux Mondes. Vol. 62. R. 138–160.
- 12- Kosik V.I. (2022). *Konstantin N. Leontjew. Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident*. Weimar: Lahn.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fetisenko Olga Leonidovna (2025). ON THE WAY TO THE GREAT EASTERN UNION: PERSIAN MOTIFS IN THE WORKS OF K.N. LEONTIEV. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(1), 111-128.

DOI: 10.61186/iarll.25.6

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/337>

در راه اتحاد شرق کبیر: موتیوهای پارسی در آثار ک. ن. لئونتیف

اولگا لئانیدوونا فیتسنکا*

پژوهشگر برجسته، انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) وابسته به فرهنگستان علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۴؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

نویسنده، متفکر و دیپلمات برجسته روسی کانستانتین نیکالایویچ لئونتیف (۱۸۳۱-۱۸۹۱) یکی از نویسندگان برجسته پراستناد جنبش محافظه‌کار است. اما، در میراث او بسیاری از مفاهیم، موضوعات و حوادث ناشناخته و بررسی نشده موجود است. بنابراین، موضوعات «لئونتیف و ترکیه»، «لئونتیف درباره یونانیان و اسلاوهای جنوبی» بر موضوع ذکر شده در عنوان این مقاله را پوشش می‌دهد. لئونتیف مانند ن. ی. دانیلفسکی و هم‌زمان با او، درباره نیاز تاریخی برای تشکیل اتحادیه‌ای از دولت‌ها صحبت کردند که بتواند در برابر تمایلات ویرانگر تمدن غرب مقاومت کند. اما در اتحادیه شرق کبیر وی، برخلاف دانیلفسکی، نه تنها کشورهای که به ارتدوکس اعتقاد داشتند، بلکه ترکیه و ایران را نیز شامل می‌شد. پیامبرگونه درباره هند و چین صحبت کرد. او از نخستین کسانی بود که به تاریخ باستان از منظر یک اروپایی نگاه نکرد (با یادآوری جنگ‌های یونان و ایران، او یونانی‌ها را تحسین نکرد و نظم و انضباط و فداکاری را از رزمندگان شرقی فراگرفت). لئونتیف در طول سال‌های خدمت در امپراتوری ترکیه نمونه‌هایی از شعر فارسی را به صورت اصل (با ارزیابی آهنگ شعر) و ترجمه از ترک‌های تحصیل کرده آموخت و قصد آموختن زبان فارسی را داشت. بازتاب آن در آثار هنری او مانند مجموعه «داستان‌های شرقی» و رمان «آدیسه پالیخرا نیآدس (۱۸۷۲-۱۸۷۸) انعکاس یافته است. در داستان «پمبه» (۱۸۶۹)، یک بیگ جوان آلبانیایی به فارسی صحبت می‌کند که نویسنده ویژگی‌های خود را در وی توصیف می‌کند. لئونتیف در اثر تاریخی خود «بیزانتیزم و اسلاویسم» (۱۸۷۲-۱۸۷۴)، با تحلیل «عصر تاریخی» فرهنگ‌ها و تمدن‌ها، توجه زیادی به ایران می‌کند. توسعه پروژه اتحاد شرق به دهه ۱۸۸۰ برمی‌گردد، بنابراین می‌توان گفت که موضوع فارسی فیلسوف را در تمام طول زندگی به خود مشغول کرده است. این مقاله برای نخستین بار تمامی موارد ارتباط لئونتیف با مطالعات ایران‌شناسی را برجسته می‌کند.

واژگان کلیدی: ادبیات روسی، محافظه‌کاری، آثار ک. ن. لئونتیف، موضوع شرق، ایران.